

Александр Ермак Вагоновожатый

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2823835

Аннотация

В городе одно за другим совершаются нападения на светловолосых девушек. Все преступления происходят вблизи трамвайных остановок. Эрика – молодая работница аптеки – как раз обладает светлыми волосами и из всех видов транспорта предпочитает именно трамвай. И ей не избежать встречи с маньяком...

Содержание

1	4
2	12
3	20
4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Ермак

Вагоновожатый

1

Трамвай, как обычно, пришел точно по расписанию. И в кабине сидел тот, кто должен был быть в ней сегодня – Игорь. Эрика каждый день ездила этим трамваем на работу и потому знала всех вагоновожатых в лицо, а также по именам, указанным в окошке таблички «Сегодня Вас обслуживает...»

Она вошла через переднюю дверь, улыбнулась Игорю. И он улыбнулся в ответ. Как обычно. Ее любимое третье место справа было свободно. Эрика села и взглянула в зеркало, висевшее над головой вагоновожатого. Игорь смотрел на нее. Она снова улыбнулась и отвела глаза. Ей было очень приятно внимание этого, как казалось, очень спокойного, надежного парня. Брюнет. Такие живые и теплые карие глаза. Чисто выбритые щеки.

Трамвай тронулся. Плавно разогнался. Не проехал он и до следующей остановки, как на улице стемнело, начался дождь. Она очень вовремя оказалась под крышей.

Игорь включил в салоне свет. И снова взглянул на нее. Эрика это заметила, потому что не только смотрела на расплывавшуюся за мокрым окном улицу, но снова и снова – в зеркало над головой вагоновожатого. Хотя Игорь внимательно следил за дорогой перед собой, он успевал еще и бросать взгляды на нее. Она считала: «...три, четыре, ...восемь, девять...»

Уже почти месяц как Эрика выделила Игоря среди остальных вагоновожатых. Заметила, что он улыбается, увидев ее на остановке, и посматривает на нее в салоне. И чем дальше, тем больше казалось ей, что так было всегда. Эрика ждала трамвай, а в трамвае ждал Игорь. Она знала его имя, а он ее – нет. Эрика молчала, проходя мимо него, и Игорь ни разу не заговорил с ней. Он всегда только смотрит, смотрит и смотрит своими карими. А ведь мог бы спросить: «Как дела? Как вас зовут?» И она бы тут же ответила: «Все хорошо. А зовут меня Эрика...» Именно так бы и сказала. Она столько раз произносила эти слова мысленно. И вслух, когда рядом никого больше не было. Она бы ответила, и Игорь тут же сказал бы: «Какое замечательное имя...» И предложил бы: «А давайте сходим куда-нибудь вечером или днем в субботу, в воскресенье...» И Эрика, не раздумывая, потому что уже все обдумала, согласилась бы: «Конечно. У вас тоже очень хорошее имя...»

Но Игорь не спрашивает и не приглашает. Только смотрит, смотрит и смотрит своими карими. И молчит. И может быть, он улыбается не только ей. И через зеркало над головой поглядывает время от времени вовсе не только на нее – на всех в салоне. Так, скорее всего, ему положено по работе.

А может быть все-таки и не на всех смотрит. Только на нее, но, увы, Игорь женат, у него есть дети и семейные обязательства, и поэтому он молчит. Смотрит и молчит.

А может Игорь и не женат вовсе. Как знать, ведь он только смотрит и молчит. Смотрит и молчит.

Эрика вздохнула и принялась разглядывать окно со сбегаящими по стеклу каплями. Они то катились параллельными дорожками, то притормаживали и начинали робко, но неумолимо тянуться друг к другу. Они тянулись, тянулись, дрожа, а потом раз – и решительно бросались навстречу, соприкасались, врывались друг в друга, сливались в одно целое и уже одной крупной каплей падали, просто улетали. Вместе. Одним целым. Эрика считала: «...три, четыре, ...восемь, девять, ... четырнадцать, пятнадцать...»

Она вспомнила и снова глянула в зеркало над головой вагоновожатого. Глянула и вздрогнула – на нее смотрел вовсе и не Игорь. В зеркале она увидела кусочек лица незнако-

мого человека. Совсем другие глаза. Такие маленькие глаза-пуговицы. И их впившийся в нее взгляд был очень неприятен.

И тут же в трамвае погас свет. Стало темно. Трамвай замедлил ход и остановился.

Эрика качнулась в кресле, хотела спросить: «В чем дело?» Но спрашивать, как оказалось, было некого. Оглядевшись, она обнаружила, что осталась в темном салоне совсем одна. Видимо, пока смотрела в окно, попугайчики разошлись, покинули трамвай на своих остановках, а войти в него – никто не вошел. Так бывает. Эрика уже не раз ездила одна в совсем пустом салоне трамвая. И по пути на работу, и с работы. В какие-то дни так случается. А сейчас еще и дождь. Люди пережидают его в более уютных местах.

Она подумала о том, что трамвай, наверное, сломался. Такое тоже бывало. Особенно не нравится этой электрической машине сырая погода, дождь, как сегодня. После того как трамвай остановился, вагоновожатый должен объявить, рассказать о том, что произошло и можно ли дожидаться устранения поломки или нужно выйти на улицу. Под дождь.

Но вагоновожатый ничего не говорил. Динамик над головой Эрики молчал. И двери не открывались. Ей вдруг пришло в голову, что, может быть, с Игорем что-то случилось? И поэтому кто-то занял его место, остановил, как смог, никем не управляемый трамвай? Эрика хотела встать, подойти к кабине вагоновожатого, помочь, если нужно. Но она осталась на месте. Дверь в кабину распахнулась, и оттуда вышел, если вышел, не только не Игорь, но даже как бы вовсе и не человек. Эрика увидела какое-то расплывающееся в не очень ярком свете салона пятно. Оно замерло на мгновение, но потом тронулось с места, медленно начало продвигаться по проходу между креслами. В сторону Эрики.

Это пятно просто надвигалось на нее. Эрике стало страшно. Она понимала, что нужно встать, рвануться к дверям, попытаться открыть их и выскочить из этого темного жуткого трамвая. Но ноги не слушались ее. И пальцы рук, вцепившиеся во впередистоящее кресло, никак не могли разжаться. Эрика смотрела на них, но пальцы были как чужие, не слушались ее. Она как бы и не чувствовала их. Как будто у нее совсем не было этих пальцев. Но именно они не давали ей отпустить кресло, впаянное в тело трамвая. И из-за них Эрика не могла сдвинуться с места, попытаться встать на ноги, которые может быть все-таки сделают то, что должны, обязаны сделать в эту минуту.

А темное пятно все ближе и ближе. Еще пара шагов и оно нависнет над Эрикой. А она, оказывается, и закричать не может – губы тоже невозможно шевельнуть, рот не раскрывается. И тело, уже все тело целиком вышло из-под ее контроля. Его сковал какой-то непреодолимый ужас. Как загипнотизированная, она смотрела на все приближающееся, приближающееся и приближающееся пятно. Хотелось закрыть, сомкнуть глаза, но даже веки не подчинялись ей. А жуткое пятно уже совсем рядом. На нем начало проступать лицо, и Эрика узнала те самые глаза-пуговицы, тот самый чужой неприятный взгляд в зеркале над вагоновожатым. Пятно вздрогнуло и из него к ней потянулись длинные-длинные, видимо, руки. Они крепко схватили Эрику за плечи, сначала легонько потрянули, как на повороте трамвая, но затем рванули с места с такой неожиданной силой, что пальцы ее разжались.

Пятно потащило Эрику к дверям, а она по-прежнему не могла сопротивляться. Руки безвольно обвисли, ноги волочились по полу салона. С нее, кажется, слетели туфли. Растегнулись плащ и блузка. Ей не было больно ни от впившихся в плечи чужих пальцев, ни от неровностей пола, наверняка, царапающих босые ноги. Эрика ничего не чувствовала. Только... Только ей вдруг показалось, что между ног становится влажно.

Двери распахнулись, и она увидела, что трамвай остановился в совершенно неузнаваемом месте. Эрика разглядела в сырой темноте лишь силуэты то ли дальних деревьев, то ли ближних кустов. И ее потащили, поволокли к ним. И тут же яркая вспышка перед глазами...

Эрика вздрогнула и проснулась. В трамвае было светло. И за окном тоже. Скоротечный дождь кончился. И ей уже совсем скоро выходить.

Она глянула в зеркало над вагоновожатым. Никакого чужого лица, неприятного взгляда. На нее по-прежнему смотрел Игорь. Эрика повертела головой. В салоне, конечно, не оказалось никакого жуткого человека-пятна. Рядом стояли-сидели несколько беззаботных попутчиков.

Эрика облегченно вздохнула. Все было лишь сном, неприятным видением. Она просто заснула в трамвае. И знала почему. Просто потому что последнее время пьет на ночь снотворное, а после него ей и днем постоянно хочется спать. А без снотворного обойтись никак не получается. Вот уже две недели.

Две недели повторяется одно и то же. Каждый вечер, когда Эрика возвращается с работы домой, ей кажется. Кажется, что за ней кто-то идет. Кто-то преследует ее, когда она шагает от остановки трамвая по дорожке между домами. Всего-то пару-тройку сотен метров. Но кто и зачем?

Шагая по дорожке, Эрика время от времени оборачивается, но не видит за собой никого. И это удивительно, необъяснимо. Ведь она точно знает, она чувствует: кто-то идет следом, кто-то упирается взглядом в ее спину.

На самой дорожке Эрика ощущает себя еще более-менее уверенно. Ее видят из домов, под окнами которых она проходит. Но дальше, прежде чем войти в ее двор, нужно миновать арку. Без освещения, без фонарей. Потому что это сводчатое пространство всего в пять шагов. Днем даже не замечаешь, как проскальзываешь мимо серых голых стен арки. Но вечером она растягивается в размерах. И хорошо, чтобы какая-нибудь семья в несколько человек – шла по арке на встречу. Разговаривая, веселясь. Но чаще Эрике никто не попадается навстречу. Ей приходится проскакать замешую, как капкан, арку в одиночестве. И слышать, явственно слышать сзади гулкие шаги. И это не эхо. Это не ее шаги.

Прорвавшись во двор, Эрика еще ускоряет и так ускоренный шаг и почти вбегает в подъезд, взлетает на свой второй этаж и просто впрыгивает в квартиру, на ходу достав ключи из сумочки. Потом она сидит под захлопнутой за собой дверью, успокаиваясь, расстегнув на груди кофточку. Отдышавшись, скинув туфли, Эрика осторожно идет к окну, беспокойно оглядывает двор. Но пока на улице достаточно светло, она никого, ничего подозрительного не видит. Как будто ей все показалось. Как будто просто-напросто показалось.

Эрика смотрит на знакомую фигуру старушки, вышедшей из соседнего подъезда подышать воздухом. На мамашу с коляской, также вошедшую во двор через арку. Эрика смотрит, смотрит на совершенно обычный, спокойный двор и качает головой. Ей показалось. Ей снова показалось.

Она отходит от окна. Переодевается. Готовит себе ужин. Как будто успокаивается. Но не успокаивается. Все время поглядывает в сторону окна. Ждет, когда двор накроют сумерки. Потому что знает, как только за окном стемнеет, так под деревом, что растет внизу напротив ее окон, появится кто-то. Кто-то...

Эрика выключает в комнате свет, чтобы он, отражаясь от стекла, не мешал ей смотреть на двор, и вглядывается, вглядывается, вглядывается в нижнюю часть дерева. За ним опять кто-то стоит. Точно стоит. Прячется. Скрывается. Кто и зачем?

Она прижимается лбом к холодному стеклу, всматриваясь, пытаюсь понять, не обманывает ли ее зрение. Когда так сильно напрягаешь глаза, то утолщение ствола дерева легко принять за прильнувшего к нему человека. Так же, как и ветви, качаемые ветром, складывающиеся в причудливые фигуры. Но иногда Эрика совершенно отчетливо видит именно человека. Он отрывается от ствола, за которым прячется, и замирает на месте. Очевидно, тоже всматриваясь. В ее окно. В Эрику, стоящую у окна. И она отшатывается назад в глубину комнаты. Падает в кресло.

Эрика просто не знает, что делать. Пытается успокоить себя мыслями о том, что тот, кто стоит под деревом, может быть, вовсе стоит там и не из-за нее. Но ведь может быть,

и из-за нее. А может, ей все-таки кажется, и там под деревом никого нет. И она снова осторожно подходит к окну. Снова, напрягаясь, смотрит под дерево. То надевая очки, то снимая, всматривается, всматривается, всматривается. Прикрывает на время уставшие глаза и потом снова смотрит. И снова видит. Это не обман зрения. Не хитросплетение ветвей и листьев. Под деревом, то прислоняясь к стволу, то отделяясь от него, стоит человек. Среднего роста. В чем-то темном. Он стоит, ничем не выдавая своего присутствия. Он не курит. Не блестит очками. Не смотрит на экран мобильного телефона. Он просто стоит. Как будто чего-то ждет, чего-то выжидает. Чего?

На счастье Эрики, ветви дерева не достают до окон ее квартиры. Так что со стороны улицы ей ничего не угрожает. Но вечернее беспокойство приходит к ней не только оттуда. Как только окончательно темнеет на улице, из-за двери начинают доноситься странные, подозрительные шорохи. Как будто на лестничной площадке кто-то мнетя, переступает с ноги на ноги, обдумывая что-то, решаясь на что-то.

Эрика на цыпочках переходит от окна к входной двери и приставляет к ней ухо. И отчетливо слышит. И странные шорохи, и как кто-то громко дышит. То учащенно, то замедленно. Иногда звуки дыхания прерываются. Как будто тот, кто находится с другой стороны двери, тоже прислушивается. Прислушивается к тому, что происходит в квартире Эрики. Ей становится жутко, и она все также на цыпочках тихо отходит вглубь квартиры.

Уже две недели каждый вечер все повторяется. Одно и то же. Кто-то идет за ней до дома, топчется под деревом и шуршит, громко дышит за дверью. Эрика пыталась убедить себя в том, что все это ей только кажется. Однажды она даже осмелилась глянуть в дверной глазок. И увидела то, чего не хотела увидеть – в коридоре действительно что-то-кто-то было. Какое-то большое пятно. И оно шевелилось.

Эрика не могла разглядеть точно, что это за пятно. Слишком тусклый свет пробивался с улицы. А в подъезде свет автоматически гас через минуту после того, как его включили. Чтобы разглядеть, что происходит на лестничной площадке, нужно было снова нажать на рычажок. Такой был на каждой лестничной площадке, в каждой квартире. Ей стоило лишь щелкнуть выключателем, и она могла бы тут же пролить свет на происходящее за дверью. Но Эрика боялась, не смела сделать нужного движения пальцем. Вдруг то, что шевелится и так громко дышит, от внезапного света придет в ярость, бросится на дверь и, конечно же, выломает ее – такую тонкую, деревянную, на всего лишь одном хлипком замке. Оно выломает дверь и набросится на Эрику. На беззащитную Эрику.

Раньше она не задумывалась о толщине и крепости двери, но теперь размышляла об этом постоянно. Говорила себе, что нужно, просто необходимо срочно заказать новую крепкую железную дверь. Обязательно. Обязательно... Но. Это не просто. Прежде всего, придется договариваться с хозяином, у которого она снимает квартиру. И если он согласится, то дверь придется ставить, конечно, за свои деньги. А у нее не так уж и много сбережений. Ведь Эрика сэкономила, копила. И чтобы купить подарки родителям, живущим в соседнем маленьком городке. И чтобы съездить к ним в гости. И чтобы съездить в чем-нибудь новом, как будто зарабатывает она хорошо и вообще все у нее прекрасно в этом большом городе. Все прекрасно...

Обычно Эрика приходила с работы и после ужина смотрела какой-нибудь фильм по телевизору или передачу любимого ведущего Леонида – очень симпатичного и уверенного в себе молодого человека. Но последние две недели вечерами она бродит и бродит беспокойно по своей небольшой квартире. Перебегает от окна к двери и обратно. То всматривается в дерево с прильнувшей к его стволу фигурой, то вслушивается в шорохи и дыхание на лестничной площадке. Потом измотавшись, устав, падает на кровать. А уснуть не может. Сердце бьет в грудь, как кувалдой во входную дверь. И Эрика достает из шкафчика чудодейственное снотворное...

А утром так трудно открыть глаза, встать, сварить себе кофе. Но вспомнив вечер, Эрика вытаскивает себя из постели, подходит к окну, оглядывает двор и в свете нового дня отчетливо видит, что под деревом никого нет. Потом заглядывает в дверной глазок – на площадке тоже никого. И тогда она вздыхает, уже спокойно завтракает, и, еще раз глянув в глазок, выходит за дверь. Действительно, никого. Ни на лестничной площадке, ни под деревом. И все, что было вечером – слежка, фигура под деревом, шорохи и дыхание за дверью – все это, конечно же, ей показалось. А она вот теперь такая разбитая, сонная, и не мудрено, что засыпает под монотонный ход трамвая, видит кошмарные сны.

Эрика, снова глянула в сторону кабины вагоновожатого, и достала из сумочки коробочку с зеркальцем. Она боялась, что от таких вечеров и ночей у нее могут появиться круги под глазами. Совершенно ненужные молодой девушке украшения. Но зеркальце сказало, что пока у нее с лицом все, как прежде. Эрика поправила прическу и вздохнула, продолжая разглядывать себя. Конечно, она не красавица, но Мария – ее коллега по работе – отметила, что в целом, можно сказать, хорошенькая. Светлые волосы, маленький носик. Вот только очки, даже очень маленькие, но все равно очки... Эрика их стеснялась, и когда заметила в трамвае bruneta Игоря, то купила себе линзы и теперь надевает их каждый раз, когда знает, что именно он в этот день будет вагоновожатым.

Трамвай чуть тряхнуло, и она заметила вдруг, что в ее зеркальце мелькнул кусочек еще чьего-то лица. И глаза. Знакомые глаза-пуговки из сна, который она успела увидеть здесь же, в трамвае. Но сейчас-то Эрика видела все наяву. И этот кусочек лица, и этот взгляд. Она вздрогнула и захлопнула коробочку с зеркалом. Попыталась успокоиться. Руки, пальцы вполне слушались ее. Эрика ущипнула себя за ногу. Поморщилась от боли и обернулась. Следующее за ней кресло было пусто, и из нескольких человек, стоящих и сидевших поодаль, никто не разглядывал ее, и никто из них не был похож на человека-пятно. Снова привиделось.

Она вздохнула и глянула в зеркало вагоновожатого. Игорь смотрел на нее. Он знает, что сейчас ее остановка. Они улыбнулись друг другу.

Эрика вышла и, посмотрев вслед удаляющемуся трамваю, вздохнула еще раз. Игорь опять ничего не сказал, никуда не пригласил. А вот начальник аптеки, в которой она работает, постоянно приглашает ее на выходные за город:

– Ну чего тебе здесь пылью дышать. Поедем, я тебе такие места покажу...

И, правда, в городе не такой чистый воздух, как в ее родном местечке, и как хорошо бы куда-нибудь выбраться не одной. Но ведь этот мужчина уже почти пожилой. И у него толстый, мясистый нос, а еще пивное брюхо, жена и трое детей. И к тому же, когда возвращается с обеда, во время которого обязательно выпивает пару кружек светлого, приглашает за город абсолютно всех попадающихся ему под руку девушек. Мария – та самая коллега, работающая в смену Эрики, – один раз ездила с ним. Начальник в следующий после тех выходных понедельник был бодр, весел и ласков со всеми, обещал даже премию. Мария же, поморщившись, сказала Эрике:

– Он не разведется. А в остальном... Все время пьет пиво и потеет, как лошадь. Больше с ним не поеду. Никуда. Никогда. И тебе не советуя...

Эрика думала, размышляла и все-таки не отказывалась полностью от мысли принять приглашение начальника. Она ведь была совсем одна в этом городе. Пока училась в медицинском училище, ни с кем из девушек особо как-то не сошлась, не подружилась. И парнем до сих пор не обзавелась. И вряд ли с такой работой обзаведется. Мужчины заходят в аптеку гораздо реже, чем женщины. А если и заходят, то очень озабоченные своей собственной болезнью или болезнью близких. Ну, и еще покупают презервативы и очень спешат...

В аптеке ее встретила Мария. Как всегда новостями:

– Читала уже?

– Нет. Что случилось?

– Опять с трамваем...

Эрика внутренне съежилась:

– Что именно?

Мария, большая любительница городских новостей и сплетен, знающая все и обо всем, сунула ей в руки газету:

– Вот. Читай.

На первой странице была большая фотография девушки, лежащей рядом с трамваем. И еще заголовок крупными буквами «Несчастный случай с вагоновожатым-2».

До начала смены Эрики еще было время, и она успела прочитать:

«Как сообщает наш корреспондент С.Кунц, новый несчастный случай произошел с вагоновожатым в том же самом трамвайном парке. На этот раз погибла девушка. Она зачем-то поднялась на крышу трамвая и попала под удар электрического тока. Ее смерть была мучительной. Она буквально поджарилась на сковородке трамвайной крыши...

Представители трамвайного парка утверждают, что девушка была опытным вагоновожатым и едва ли решилась бы полезть на крышу для устранения какой-либо неисправности. Непонятно, что загнало ее туда...

По одной из версий, девушка была пьяна. Однако уже проведенная экспертиза крови не обнаружила следы алкоголя или какого-либо наркотического средства. Не так давно, кстати, девушка проходила медицинскую комиссию, на которой была признана полностью здоровой – и физически, и психически...

Согласно информации, полученной нашим корреспондентом из надежных источников, полиция склоняется к версии самоубийства. Дело в том, что погибшая девушка любила парня. Он также был вагоновожатым и работал в том же трамвайном парке. Именно этот парень погиб неделю назад в результате несчастного случая, о котором мы писали ранее. Погибшие парень и девушка собирались пожениться в конце этого месяца.

Очевидно, после трагичной гибели жениха девушка также решила свести счеты с жизнью. Возможно, она была беременной...»

Эрика вернула газету Марии:

– Ужасно.

Коллега вздохнула:

– Да, ужасная любовь. – И спросила: – Ты же все время на работу на трамвае ездешь?!

– Ну да.

Мария покачала головой:

– Ты там поосторожнее! Видишь, что творится с этими трамваями. Током бьют, ломаются.

Эрика тоже вздохнула:

– Да я и так осторожна.

И это было правдой. Прежде, чем перейти дорогу, она всегда смотрела на нее. И под ноги, чтобы не зацепиться за рельсы и не застрять каблучком в стыке. Можно было бы и вовсе не ездить на трамвае. На автобусе, может быть, получилось бы добираться до работы даже и быстрее – у него и остановок меньше, и ход торопливей. Но Эрика любила трамвай. В ее родном городке не было этого чуда – вагончика, весело катящегося посреди улицы. Только приехав сюда, она впервые села в трамвай, почувствовала, как плавно он двигается, как вздрагивает на стыках, как несуетливо разрезает городское пространство. Никого не обгоняя, никому не уступая. Сам по себе. Не маленький, но все равно как игрушечный. Такой..., такой милый.

Мария еще раз посмотрела на снимок в газете:

– А как девушка эта на тебя похожа!

Эрика удивилась:

– На меня?

– На тебя.

Эрика пригляделась. Фотография позволяла очень многое рассмотреть. Действительно, можно было найти общее. Девушка имела примерно такую же фигуру. У нее были светлые волосы и маленький носик. И она не носила очки, как Эрика сегодня.

Мария пожала плечами:

– Просто одно лицо...

Эрика ничего не ответила и, глянув на часы, принялась за работу. Читала рецепты, разыскивала по шкафчикам и полочкам нужные лекарства, но думала при этом о сообщении в газете. И об этом втором, и о первом, газету с которым ей Мария отдала прошлый раз насовсем. Эрика ее еще не выбросила. Несколько раз перечитывала в обеденный перерыв, снова и снова ужасаясь произошедшим:

«Несчастный случай с вагоновожатым.

Наш корреспондент С.Кунц сообщает, что вчера поздним вечером на маршруте... был обнаружен неуправляемый трамвай, за которым волочилося человеческое тело. С помощью транспортной полиции движущееся средство было остановлено... Обезображенное тело, как выяснилось, принадлежит вагоновожатому этого самого трамвая...

Как подозревают эксперты, вагоновожатый, не сходя с маршрута и не вызвав специалистов из депо, устранял какую-то мелкую неисправность. В это время по невыясненной причине трамвай двинулся с места. Несчастный (вполне симпатичный, судя по ранее сделанной фотографии, молодой человек) зацепился курткой за транспортировочный крюк и был увлечен набравшим ход транспортным средством...

Если бы дело происходило в дневное время, происшествие наверняка было бы сразу замечено, и вагоновожатому удалось бы быстро помочь. Но, увы, в позднее время на улицах не оказалось свидетелей, а в салоне – пассажиров. Эксперты утверждают, что тело было протаскано по шпалам и асфальту не менее пяти километров. Шансов выжить у молодого человека после такого «путешествия» просто не было... Только на последней остановке ночной диспетчер обратил внимание на то, что трамвай проследовал без остановки, двери его распахнуты, салон пуст, а за трамваем что-то волочится...»

Как это, наверное, больно и страшно – волочиться за бездумным трамваем и понимать, что никто тебе не поможет. А девушка, девушка, наверное, не смогла пережить таких мыслей, такой ужасной смерти своего возлюбленного. И она покончила с собой. Двое влюбленных погибли. Друг за другом...

Эрика вернулась глазами к слову «депо». Что оно означало, было не совсем понятно, но звучало это слово загадочно.

Кто-то коснулся плеча Эрики, и она, вздрогнув, обернулась. Рядом стояла Мария:

– Испугалась?

Эрика кивнула:

– Да...

Мария смотрела на нее в изумлении:

– Ты какая-то нервная стала в последнее время...

Эрика призналась:

– Правда, как-то все время не по себе... Знаешь, у меня вечерами под окнами кто-то стоит.

Во взгляде коллеги промелькнуло сомнение:

– Тебе это не кажется?

– Нет.

Мария покачала головой:

– А вообще-то есть такие извращенцы. Ходят, в окна заглядывают, ждут, когда женщины перед сном переодеться начнут. Но придурки эти безобидные и пугливые, я читала о таких. Ты свет дома выключи, тогда они подумают, что ты уже спишь, и уйдут. А лучше всего их самих надо напугать, тогда больше никогда не будут надоедать... Если, конечно, тебе все это не кажется.

Эрика поехала, вспоминая:

– И за дверью тоже как будто кто-то есть. Я уж и сама не знаю, кажется мне или не кажется. Снотворное вот пью. Сплю на ходу...

Мария махнула рукой:

– Бывает такое. Ну, понервничаеть-понервничаеть и пройдет. – И тут же поинтересовалась: – А что пьешь?

Эрика назвала лекарство, глаза у Марии округлились:

– Ты же знаешь, это очень старый препарат, потому от него и днем потом в сон клонит.

– Да, – согласилась Эрика, – старый. Но я думала: старый, значит, проверенный...

Мария усмехнулась:

– Тоже мне фармацевт. Современным препаратам не доверяет. Ты же хорошего снотворного в день сколько продаешь, никто не жалуется...

Эрика кивнула, вздохнув:

– Да, продаю. Не жалуются...

Мария открыла шкафчик и достала оттуда коробочку:

– Вот это попей. Я все перепробовала – это лучшее. Только дозировку не превышай...

– Спасибо.

Эрика была искренне благодарна. Мария же подмигнула:

– Можно вместо лекарства рюмочку чего-нибудь крепкого перед сном пропустить. Но к этому волшебному зелью можно и привыкнуть. Так что не стоит употреблять постоянно... А вообще, лучшее снотворное, – она поглядела по сторонам, – это мужчины...

Эрика смущенно опустила глаза. Мария же продолжала:

– Да-да, после хорошего секса спится просто великолепно. Подумай над этим.

– Я подумаю, – выдавила из себя Эрика.

А Мария засмеялась:

– Но еще лучше не думай, а обзаведись этим замечательным лекарством. Даже если подсядешь на него, то это не страшно, это не алкоголь и не наркотик, от этого одна польза.

– Я подумаю... – сказала Эрика и спросила о том, что не очень поняла в газетной публикации: – А депо, что это?

– Это просто гараж для трамваев, – тут же ответила Мария. – Я раз случайно заехала в депо. Там за узкими воротами темно и, мне показалось, очень тесно...

2

Она ехала на трамвае домой. В кабине вагоновожатого сидел Игорь. Он смотрел на нее своими карими. Эрика улыбнулась, и Игорь улыбнулся в ответ. Улыбнулся и поднес ко рту микрофон, объявил:

– Трамвай идет в депо. Освободите, пожалуйста, салон.

При этом он покачал ей в зеркало головой.

Эрика все поняла и, после того как трамвай остановился, не вышла вслед за всеми пассажирами. Ее охватило волнение. Он хочет остаться с ней наедине. Наверное, не может говорить с ней при ком-либо еще, стесняется. И вот придумал, что едет в депо, только чтобы остаться с ней вдвоем, поговорить и, может быть, наконец, пригласить ее куда-нибудь.

Двери за вышедшими пассажирами захлопнулись, и трамвай тронулся. Игорь снова поднес ко рту микрофон, но ничего не сказал, вернул его на место, виновато улыбувшись. Эрика вздохнула. Можно и не говорить ничего. Когда только он и она. Наверное, Игорь будет просто катать ее одну по городу. Целый трамвай для нее одной. И это так приятно.

А трамвай свернул с привычного маршрута, пересек центральную улицу и пошел вдоль бульвара. На нем она увидела вдруг начальника, уже прогуливающего после работы свое пивное брюхо, жену и троих детей. Эрика радостно помахала всем им рукой. Начальник просто застыл на месте. А жена тут же начала ему что-то сердито выговаривать. Кажется, заплакали дети. Но разве Эрика была виновата?!

На перекрестке Игорь остановил трамвай, ожидая разрешающего сигнала на проезд. По пешеходному переходу прошел знакомый Эрике старичок. Он бывал у них в аптеке, чинил разное оборудование, когда оно ломалось. Эрика и ему помахала, но он, кажется, не заметил. И шел старичок как-то странно, глядя не под ноги, а вверх на небо. Она тоже посмотрела вверх, но кроме облаков ничего не увидела.

Трамвай тем временем тронулся. Свернул в сторону. И еще раз. Они подъехали к какому-то сооружению. Игорь кивнул ей в зеркало и объявил по трансляции:

– Депо.

Трамвай осторожно вошел в упругую темноту за узкими воротами. Эрике стало как-то и жутко, и приятно одновременно.

Вздвигнув, транспортное средство остановилось. Игорь вышел из кабины и направился к ней. Эрика тоже встала и пошла навстречу, но, сделав пару шагов, замерла. К ней приближался вовсе не Игорь. Это был тот самый человек-пятно, которого она видела раньше. И теперь он опять наплывал на нее, пачкал неприятным взглядом своих глаз-пуговиц. И между ног у нее снова стало влажно.

Руки и ноги вполне подчинялись ей. Но Эрика не успела добраться до двери, человек-пятно догнал и повалил ее на пол салона. До треска рванул одежду. По салону покатились пуговицы. И еще она услышала голос, такой знакомый голос:

– Это не страшно, от этого одна только польза.

Эрика, скосила глаза, и увидела стоящую рядом с собой Марию. Она была в обычном своем белом рабочем халате:

– Это не страшно, от этого одна только польза...

И тут же в салоне раздался трамвайный сигнальный звонок. Точно такой же, как звонок домашнего будильника.

Эрика проснулась. Одна. В своей кровати. Открыла глаза и все вспомнила. Как доехала с работы до своей остановки. Как быстро, не оборачиваясь, прошла по дорожке между домов. Как забежала домой, перекусила на скорую руку и, не дожидаясь наступления суме-

рек, приняла рекомендованное Марией лекарство, от которого почти мгновенно уснула. И вот, ей снова приснился кошмар. Начавшийся, правда, так романтично...

Эрика решительно выбралась из кровати и пошла в душ. Долго стояла под теплыми струями. Вытираясь, смотрела на себя в зеркало. Тоже долго. У нее не было пышных форм. И ростом не особенно вышла. Но все-таки у нее есть все, что полагается иметь женщине.

Потом она пила кофе и думала о том, что рекомендованное Марией снотворное действительно гораздо лучше старого. После того, как встала, Эрика очень быстро пришла в себя, ее теперь совсем не клонило в сон. Но все-таки эти кошмары... Эрика решила:

– Нет, больше никаких снотворных. Ни старых, ни новых, ни плохих, ни хороших... Может быть, будут сниться нормальные, приятные сны.

Какие именно приятные сны, она себе не представляла. Или стеснялась представить, потому что в голове все время вертелась фраза Марии: «А вообще, лучшее снотворное – это мужчины...»

Сегодня вагоновожатым должен был быть вовсе и не Игорь. Поэтому Эрика надела свои обычные маленькие очки. Спокойно дошла до остановки. Спокойно проехала в трамвае. Ей не дремалось и не виделось никакого человека-пятна. Она еще раз отметила про себя, что снотворное хорошее, и еще раз услышала голос Марии: «А вообще, лучшее снотворное – это мужчины...»

День прошел, как обычно. Мария рассказала вычитанную из газет сплетню о романе какой-то певички с каким-то министром. В торговом зале мелькали больные и здоровые лица посетителей аптеки. Начальник после обеда обдал пивным выхлопом. И от трамвайной остановки до дома ее вновь преследовали чьи-то шаги. Но в этот раз Эрика почти не нервничала по поводу преследования. Весь день на работе она думала, планировала. Эрика решила избавиться себя от кошмаров.

Выйдя из аптеки, она завернула в соседний магазинчик и купила фонарь. Оставалось только набраться смелости, чтобы использовать его в соответствии с планом. Но вот смелости-то ей в этот вечер и не хватило. Чем темнее становилось на улице, тем меньше решимости оставалось в Эрике. Сначала она вполне энергично расхаживала по квартире, нетерпеливо поглядывая то в окно, то в дверной глазок. Подбадривала себя, перекидывая фонарь с руки на руку:

– Сегодня же... Да, сегодня... Я покончу с этим. Покончу...

Потом слова как-то стали застревать в горле, а ноги, по пути от окна к двери и обратно, заплетаться. В конце концов Эрика бросила фонарик на кровать и забралась с ногами в кресло. Обняла их, уткнулась лицом в колени и заплакала.

Потом сидела в тишине. Потом услышала. Снова за дверью...

Потом подошла к окну. И снова увидела. Под деревом...

Не раздумывая, Эрика схватила коробочку со снотворным. Налила стакан воды и запила им лекарство. Немного посидела, прислушиваясь к звукам на лестничной клетке. Почувствовав, что снотворное начало действовать, поплелась к кровати. Засыпая, пообещала себе, что завтра все же обойдется без лекарств. Ей не хотелось кошмаров ни в жизни, ни во сне. Вот если бы такой на вид спокойный и надежный Игорь был рядом не только в трамвае...

А на работе на следующий день произошло событие. У них в аптеке сломался один из кассовых аппаратов. Такое время от времени случалось, и тогда вызывали механика. Обычно обслуживающая компания присылала забавного старичка с портфелем. Того самого, что в ее кошмарном сне переходил дорогу рядом с трамваем. Старичок был таким серьезным, молчаливым. Хотя и пенсионного возраста, он работал. Видимо, не мог сидеть дома просто так. Приходя в аптеку по вызову, ни на кого не глядя, он раскрывал свой чемоданчик, перебирал инструменты и потом долго копался в сломанном аппарате. Закончив с починкой, вытирал руки какой-то своей собственной, специальной тряпочкой и нес к начальнику на подпись

документ о принятии работы. Тот подмахивал, не проверяя, на работу старичка никогда не было жалоб.

Но в этот раз по вызову пришел совсем другой механик – стройный молодой мужчина. В чистом, обтягивающем сильное тело комбинезоне. С аккуратными усиками и веселыми, чуть хитроватыми глазами. С таким же чемоданчиком, как у приходившего ранее старичка. Остановившись посредине зала для посетителей, он глянул на Эрику, потом на Марию:

– Что случилось? Чем помочь? Механика вызывали?

Эрике показалось, что на ней этот молодой человек задержал свой взгляд дольше, чем на ее коллеге. Но первой откликнулась и подошла к механику Мария. Она была немного старше Эрики и по времени работы в аптеке, и просто по возрасту. Мария провела механика в кабинет к начальнику. Потом они вдвоем же вернулись, подошли к сломанной кассе. Механик осмотрел ее и принялся за работу. Мария же осталась рядом:

– Чем-нибудь помочь?

Механик пожал плечами:

– Пока ничем...

Коллега Эрики не спешила оставить мастера наедине с работой:

– Вы действительно можете отремонтировать этот аппарат?

Механик покачал головой:

– Я постараюсь.

Мария подмигнула Эрике и расстегнула сначала первую, а потом и вторую верхние пуговицы на своем халате. Она наклонилась, как бы разглядывая внутренности ремонтируемой кассы:

– Это, наверное, будет непросто. Аппарат старый и уже ломался раньше. Если у вас получится, значит, вы очень хороший работник.

Механик послушно заглянул в образовавшееся декольте и кивнул:

– Все получится.

Эрика чуть не фыркнула со смеха. Брюнетка Мария только на днях рассталась с неоправдавшим ее надежд пекарем из булочной напротив:

– Убежал. Убежал к такой же, как ты, светловолосой.

И вот, коллега, кажется, нашла себе новое увлечение. Мужчин в жизни Марии, по ее собственным рассказам, было немало. Она легко увлекалась и легко обманывалась:

– Почему-то все меня, в конце концов, бросают, находят других, а на мне никто не женится. А я ведь была бы замечательной супругой. Во всех отношениях...

Эрика Марии сочувствовала, как только могла сочувствовать девушка, на которой не только никто не женился, но и которую даже никто еще и не бросал. Она слушала рассказы более опытной коллеги по несчастью и вздыхала, как бы переживая за нее.

Механик, судя по завязавшемуся разговору и проникающим в декольте взглядам, был весьма не против пообщаться с Марией. Вместе с тем, Эрика заметила, что этот мужчина время от времени посматривает и на нее. Она отводила свой взгляд. Не хотела, чтобы Мария заподозрила хоть какой-нибудь намек на интерес к механику с ее стороны. Зачем портить отношения с единственным человеком в этом городе, с которым Эрика худо-бедно общалась.

– А у вас все необходимые инструменты имеются? – интересовалась Мария, немного покачиваясь и покачивая содержимое декольте.

– Все, – улыбался механик и кивал на содержимое раскрытого чемоданчика.

– Так уж заранее и знаете, что вам пригодится? – пожимала плечами коллега.

– Ну, в большинстве случаев, да, – кивал, продолжая улыбаться, молодой мужчина.

А Мария придвинулась к нему вплотную, как бы заглядывая во внутренности сломанного механизма:

– И что там не так?

- Вот здесь... Видите...
- Нет, не вижу...
- Вот эта пружинка сломалась.
- Пружинка?
- Да, она должна давить на этот рычажок...
- Рычажок?

Как ни затягивалась Марией работа по починке кассового аппарата, но она все же была успешно закончена. Механик вытер руки салфеткой, с готовностью протянутой ему декольтированной девушкой, сказал:

- Принимайте, – и снова посмотрел на Эрику.
- Она это почувствовала и не посмотрела в ответ.

Мария еще раз проводила механика к начальнику в кабинет. Потом до входной двери. Почти на пороге они остановились и разговорились о чем-то. Мария хихикала. А механик время от времени отрывал свой взгляд от ее декольте и направлял его на Эрику. Он смотрел пристально. И как будто даже не слышал, что именно ему говорит Мария. Только кивал, как бы соглашаясь со сказанным.

Ни механик, ни Мария, похоже, никуда не спешили. Однако в аптеку вошел посетитель и о чем-то спросил стоящих у входа. Механик тут же кивнул Марии, улыбнулся Эрике и, перебросив чемоданчик из одной руки в другую, покинул аптеку. Мария, застегивая на ходу верхние пуговиčky халата, повела покупателя к витрине. Тот что-то долго выбирал, потом спрашивал и переспрашивал. В конце концов ушел какой-то недовольный.

Недовольной была и Мария. Она подошла к Эрике:

- И не купил ничего, и интересному разговору помешал...
- Что же теперь сделаешь?! – посочувствовала Эрика.

Но коллега, похоже, в сочувствии не нуждалась. Она вдруг улыбнулась:

- А ничего этот, наш новый механик?
- Да, – согласилась Эрика. – Справился? Починил?
- Починил, – кивнула Мария. – Быстро?
- Быстро. – подтвердила Эрика.

Коллега поправила руками грудь:

- У него, наверное, все в руках горит.

Эрика согласилась:

- Наверное, потому его на место прежнего старичка и взяли.

Но тут улыбка с губ Марии сошла. Она покачала головой:

- Не потому. Умер наш старичок.
- Умер? – не поняла Эрика. – От чего?

– От чего, от чего... – задумчиво пожала плечами коллега. – От старости, наверное. Не знаю. Мне Павел сказал...

- Павел?

Задумчивость с лица Марии как ветром сдуло:

- Ну да, наш новый механик. Симпатичный, верно?

Эрика же как раз при этих словах вздохнула. Ей вспомнился сон, старичок, проходивший рядом с трамваем, на котором ее катал Игорь. Она тогда старичку помахала, а тот и не заметил вовсе. Потому что смотрел на небо.

- Плохая примета, – подумала Эрика вслух обо сне.
- Что? – не поняла Мария. Встревожено переспросила: – Что ты сказала?

Эрика замотала головой:

- Нет, ничего. Это так...

Ей было жалко хоть и суховатого, но вежливого и аккуратного старичка. А еще Эрике подумалось о том, как-то уж слишком много вокруг нее случилось смертей в последнее время. Или просто она сильно нервничает из-за шагов, фигуры под окном, шорохов на лестничной площадке, кошмарных снов. И поэтому стала больше обращать внимание на смертельные происшествия вокруг. Наверное, и раньше люди гибли от старости, несчастного случая или несчастной любви. Только она этому не придавала особого значения. Просто не обращала на них внимание.

– Это так... – повторила она.

Эрика думала, что на этом разговор и закончен, но Мария не спешила вернуться на свое рабочее место, сказала:

– А он меня в бар пригласил.

– Старичок? – удивилась Эрика.

– Ты что?! – округлились глаза у Марии. – О чем ты думаешь?

– Ах, новый механик, – сообразила Эрика.

– Конечно, – довольно потянувшись и снова поправила руками грудь Мария. – Он просто не мог меня не пригласить.

– И ты?

Коллега игриво, как и во время разговора с механиком, качнулась всем телом:

– Пойду. Ты разве бы отказалась?

– Я?.. – честно задумалась Эрика. – Не знаю.

– Ой, – засмеялась Мария, – помчалась бы со всех ног.

Эрика пожала плечами:

– Не знаю... Может быть...

Об этом «не знаю» и «может быть» она думала потом дома всю субботу, когда не нужно было ехать в аптеку. Да, Игорь ей нравился больше, чем этот Павел. Но вагоновожатый молчал, никуда не приглашал, и может так никуда и не пригласить. А вот механик, который почти засмотрелся на нее, как только вошел в аптеку... Без сомнения, если б его не перехватила Мария, механик точно бы пригласил Эрику. И разве б она отказалась? «Помчалась бы со всех ног».

Чтобы отвлечься, Эрика пыталась смотреть телевизор. Но передачи ее любимого ведущего Леонида сегодня в эфире не было, а попадающиеся на глаза шоу совсем не увлекали. Мелкие городские новости и сплетни пролетали мимо ушей. Она продолжала думать о том, что было бы, если бы механик пригласил не Марию, а ее. Она бы... Он бы... Они бы...

Они бы пошли... Они бы пошли в кафе. Или в бар, как пойдут теперь Павел с ее коллегой. Мария выпьет море коктейлей или даже водки или пива. И начнет болтать, рассказывать о том, как ей мужчины прохода не дают...

Но если бы с механиком пошла Эрика, то она выпила бы только одну-единственную рюмку сладкого ликера. И слушала бы, внимательно слушала механика. Ведь она была готова к свиданиям с противоположным полом. Оставшись один на один с мужчиной, нужно поступать так, как советуют журналы. Эрика исправно покупает их с тех пор, как родители не следят за тем, что именно она читает:

«Свидания не должны быть просто развлечением. Это ваша возможность оценить мужчину и углубить складывающиеся отношения.

На первом свидании не нужно:

– Тащить его знакомиться со своими родителями.

– Радостно кидаться на шею своим случайно встретившимся бывшим бой-френдам...»

Родители от нее далеко... А бывших бой-френдов просто-напросто нет...

«Нужно слушать вашего собеседника. Демонстрировать интерес к его увлечениям...»

Да, Эрика готова его слушать. Пусть он рассказывает про начинку кассового аппарата, про свои странные инструменты из чемоданчика, про футбол или даже про бокс, где люди так беспощадно бьют друг друга по лицу и ниже.

Эрика будет слушать и кивать, как будто все понимает, как будто ей все это близко. И тогда в конце вечера в баре он улыбнется и скажет:

– Я провожу тебя.

А она согласно журнальной науке засомневается:

– Может, не стоит?

На что Павел, как настоящий мужчина, заявит:

– Стоит! Обязательно стоит!

И они доедут до ее остановки на трамвае, которым будет управлять... Игорь. Нет, лучше не Игорь. Это будет жестоко по отношению к нему. Пусть в кабине будет рыжий. Эрика запомнила его самым первым из всех вагоновожатых маршрута. Солнечный такой парень. С простым, с очень простым лицом в конопушках. У него так забавно торчат уши сквозь прямые золотые волосы.

Пусть в кабине будет рыжий. И он порадует за нее.

Павел проведет Эрику по тропинке. Через арку. Через двор. И она рядом с ним совсем не будет беспокоиться, волноваться.

А у подъезда... Или может быть, в подъезде... Или даже на ее лестничной площадке, под самой дверью, на прощание он ее поцелует. Обязательно поцелует. Ведь она знает:

«Поцелуй – это неотъемлемая часть свидания.

Прежде всего, необходимо убедиться, что вы готовы к поцелуям – запах изо рта способен оттолкнуть самого пылкого влюбленного! Не ешьте перед свиданием лук и чеснок, чистите зубы...

Если вы носите очки, то совсем не обязательно их снимать, многим они даже нравятся...»

Читая в журнале эти строки, Эрика всегда вздыхала. Ее целовали родители, дядя. И еще один мальчик в детском саду. Она тогда измазала щеку шоколадкой. А вот в школе никто не обращал на нее внимания. В том числе и из-за ее ужасных, огромных очков, которые Эрика носила по настоянию родителей. В журналах пишут, что их вроде бы вовсе и не обязательно снимать, но она знала – во многом из-за них, из-за этих дурацких очков никто во всей школе, во всем районе не мечтал о ее поцелуе. Вот о поцелуе одноклассницы Карины – другое дело...

Эрика вдруг задумалась о том, что механик на нее заглядывался как раз в тот день, когда она пришла на работу в очках. И брюхатому начальнику ее очки не мешают приглашать в конце недели на природу. Но ведь и очки у нее в городе совсем другие. Здесь Эрика носит совсем малюсенькие, в тонкой, изящной оправе. А для Игоря надевает линзы.

Подумав немного об очках, Эрика снова вернулась мыслями к будущим поцелуям у подъезда. Или в подъезде. Под дверью:

«Первый поцелуй является настоящим событием в жизни каждого, знаменуя развитие сексуальности человека и начало новых взаимоотношений с противоположным полом...»

Первый поцелуй... Новых взаимоотношений...

Эрика вздыхала, вздыхала, вздыхала. Она окончила школу. И медицинское училище. Уже работает. Она совершенно взрослый человек, а ни новых взаимоотношений, ни настоящего поцелуя, ни первого, ни десятого, в ее жизни все никак не случилось. Хотя она была готова к нему так же, как и к первому настоящему свиданию. Эрика знала, очень хорошо знала и как правильно целоваться, и какие они бывают – эти настоящие поцелуи. Вот только не была уверена, что у нее все сразу получится. Но журналы приободряли:

«Практикуйтесь! Чем больше вы практикуетесь, тем больше у вас шансов научиться целоваться правильно...»

Практикуйтесь... Вагоновожатый ей нравился больше механика, но если б последний пригласил ее, а не Марию, то Эрика бы пошла. Не помчалась бы со всех ног, но обязательно бы пошла. Чтобы попрактиковаться, чтобы чувствовать себя уверенной потом, когда... когда пригласит Игорь. Чтобы не обмануть его ожиданий...

И Эрика вздохнула еще раз, вспомнив о том, что не она – Мария сейчас на свидании с Павлом. Слушает его, практикуется с ним.

Да, Эрика позавидовала коллеге – та очень легко находит общий язык с мужчинами, заставляет их разговаривать, приглашать на свидание. А Игорь, вот, в ответ на все взгляды Эрики молчит. Молчит. Молчит. Молчит...

По телевизору тем временем начали показывать рекламу нового фильма про любовь и приключения. Загорелый мускулистый мужчина переносит на руках через стремительный горный ручей бесчувственную девушку, которая только притворяется бесчувственной. Они направляются к темной пещере...

«С этой субботы показ идет во всех кинотеатрах города!» – кричит реклама, и Эрика думает о том, что это, наверное, очень интересный, захватывающий, отвлекающий от грустных мыслей фильм. Стоило бы на него сходить. Да, Эрике хотелось бы сходить.

Она посмотрела в окно. Во дворе под деревом никого. Это значит, что можно спокойно съездить на трамвае в ближайший к ее дому кинотеатр. Ведь еще не поздно. Совсем не поздно.

Эрика быстро собралась, оделась. Вышла во двор и, спокойно миновав арку, зашагала по дорожке к остановке трамвая.

Она прошла первую пару домов и вдруг почувствовала, что кто-то смотрит ей в спину. Точно так же, как это бывало и раньше. Сначала Эрика хотела ускорить шаг, побыстрее добраться до остановки, где обычно есть люди. Но сделав по инерции несколько шагов, поняла, что продолжать поход в кино ей уже расхотелось. В темном зале она будет не следить за сюжетом фильма, не сопереживать героям, а думать о том, не поджидает ли ее возле кинотеатра тот, кто преследует ее, тот, кто идет сейчас по пятам. А после фильма на улице ведь наверняка уже будет далеко не так светло, как сейчас.

Эрика остановилась. Вздохнула. Да и одной идти в кино вообще как-то неловко. Там ведь все будут парочками. Мальчики и девочки, парни и девушки, мужчины и женщины. Все они будут целоваться, обниматься, щебетать, смеяться, посматривать на нее, одинокую, с жалостью, с сочувствием. Даже если Эрика снимет очки.

Она вдохнула-выдохнула и резко обернулась. Обвела взглядом подходы к ближнему дому и краем глаза заметила, как кто-то то ли зашел, то ли заскочил в один из подъездов. Конечно, идти за скрывшимся, чтобы узнать, кто это и почему, было жутковато. Эрика только вздохнула и направилась обратно к своему дому. Опасливо проскочила арку и быстро пересекла пустынный двор.

Вечер был телевизионным и грустным. Ночь обошлась без кошмаров. Но Эрика спала беспокойно, несколько раз просыпалась, смотрела на шевелящиеся на стене тени от дерева

под окном. Пыталась рассмотреть и тень фигуры того, кто наверняка стоит сейчас под деревом. Не найдя тени, вставала и смотрела в окно. Под деревом никого не было. Кажется, никого...

В воскресенье Эрика не знала, чем особенно занять себя. Перестирала белье, которого с прошлого раза накопилось совсем немного. Еще сделала уборку в и без того чистой квартире. И снова полистала журналы, в который раз напомнив себе: «Практикуйтесь! Чем больше вы практикуетесь, тем больше у вас шансов...»

Журналы не увлекали. Она думала то о вагоновожатом, то о механике, то о фигуре под деревом, то о кошмарных снах. В конце концов Эрика отложила журналы и решила, что на следующие выходные обязательно съездит к родителям. Порадует и их, и себя. И хоть как-то развеется. Ведь после того как по пути к кинотеатру ее снова напугал неизвестный преследователь, она вряд ли решится в ближайшие выходные выйти одна на прогулку или на новый поход в тот же кинотеатр. Но не сидеть же все время дома. Эрика твердо решила. К маме и папе. В следующие выходные. А на неделе купит им какие-нибудь подарки. И себе что-нибудь новенькое из одежды. Чтобы похвастать. Чтобы думали – у нее все хорошо, просто замечательно...

3

Понедельник начался очень приятно. В кабине вагоновожатого был Игорь. А на своем любимом третьем месте справа Эрика нашла букетик цветов. Не шикарных роз из цветочного магазина, а скромных васильков, набранных, наверное, в городском парке. Но эти простые цветы были такие милые. И ведь еще никто никогда не дарил Эрике васильков. Также как и ромашек, лютиков, роз, орхидей...

Эрика взяла букетик, села и поднесла цветы к лицу. Понюхала, прикоснулась щекой и посмотрела сквозь листочки и стебельки на Игоря. И он глядел на нее. Но как-то странно. Как бы с тревогой. Наверное, боялся, что эти его простые цветы ей не понравятся. Она улыбнулась и снова прикоснулась щекой к василькам. Как будто Игорь поцеловал ее...

В аптеку Эрика вошла улыбаясь. Ее встретила улыбающаяся же Мария:

– Ох, какие у меня были выходные. И приятные, и полезные...

– Я рада за тебя, – кивнула Эрика.

Мария, конечно же, заметила и букетик, и волнение на лице коллеги:

– Да и ты, смотри, цветешь и пахнешь. Сама купила?

Эрика покачала головой:

– Нет.

– А-а..., – Мария пристально оглядела цветы, – васильки... Нарвала по пути?

Эрика чуть не рассмеялась:

– Нет.

Коллега посмотрела на нее с подозрением:

– Неужели подарили?

– Да.

Мария искренне удивилась:

– Прямо с утра?!

И Эрика снова кивнула:

– Прямо с утра.

И Мария снова удивилась:

– Ты что, не ночевала дома?

По щекам Эрики тут же разлилась краска:

– Нет... Что ты... Я ночевала дома. Одна.

Мария же расслабленно потянулась:

– А я не дома... И не одна.

– У механика? – пришлось догадаться Эрике.

– Да. У Павла, – довольно подтвердила Мария. – У него такая необычная квартирка.

Не роскошная, скромненькая... Но все есть: большая кровать, душ, кофеварка... А еще у него много всякого такого... Как бы тебе объяснить... Ну такого, чтобы было не скучно. А самое интересное...

Эрика не дала ей договорить:

– Не надо. Не рассказывай мне.

– Почему? – не поняла коллега. – Это же забавно.

Но Эрика настояла:

– Не нужно.

– Как хочешь... – пожала плечами Мария и снова потянулась. – Ох, это было что-то...

Эрика переделась в рабочий халат, налила воды в большую колбу и поставила себе на стол. Аккуратно опустила в воду букетик. Расправила листочки. А Мария все не отходила от нее:

– Что-то я тебе еще хотела сказать...

– Про Павла?

Но Мария покачала головой:

– Нет. Ты же про него не хочешь... Вот, вспомнила. Ты читала свежую газету?

Эрика, думая о цветах и об Игоре, вообще забыла о существовании газет:

– Не читала. А что там? Твой министр женился, наконец, на певичке?

Мария махнула рукой:

– Другое. Совсем другое. Не читаешь новостей и не в курсе того, что происходит вокруг. А это все ужасно... – она отошла к своему столу и вернулась с газетой, ткнула пальцем в первую страницу. – Случайно не знаешь ее?

Эрика глянула на фотографию лежащей на земле полуобнаженной девушки и вздрогнула:

– Нет, не знаю... – и спросила, уже догадываясь: – А что с ней случилось?

– Почитай.

Эрика глянула на часы, села за рабочий стол и склонилась над заметкой:

«Непонятная гибель девушки.

В субботу на улице... найдено тело девушки... На данный момент полицией выдвинута версия о том, что девушка скончалась от передозировки алкоголя. Однако соответствующая экспертиза еще не проводилась. К тому же, по данным нашего корреспондента С.Кунца, на теле обнаружены следы ударов. Девушка явно боролась за свою жизнь. Судя по тому, что сумочка потерпевшей нашлась рядом, и кошелек в ней был не тронут, это преступление не было ограблением. Внешний осмотр тела указывает на то, что не было и попытки изнасилования. Похоже, что жертву куда-то волокли, но по непонятной причине бросили именно в этом месте... Полиции требуется помощь в опознании погибшей...»

Пока Эрика читала, Мария стояла рядом. Увидев, что коллега оторвала взгляд от газеты, сказала:

– Представляешь, мы в субботу с моим механиком в баре как раз на этой самой улице встречались. Попался бы этот гад нам на глаза, Павел бы его скрутил в два счета, знаешь, какой он сильный. Скрутил бы – и в полицию. И о нем бы тоже тогда написали. Как о герое.

Эрика поежилась. Убийство случилось в субботу. В тот день, когда она хотела пойти в кино, но вернулась, совсем немного отойдя от дома, заметив, что ее снова преследуют. А если бы Эрика все-таки добралась до кинотеатра, то возвращаться из него она должна была бы вечером. Одна. А место, где нашли мертвую девушку, не так уж далеко не только от бара, где встречались Мария с Павлом, но и от остановки возле кинотеатра. Там Эрика должна была сесть в трамвай, чтобы ехать домой. Она подумала о том, что вполне могла оказаться на месте девушки, и холодок снова пробежал по ее телу.

А Мария разглядывала фотографию:

– Пишут про алкоголь, а она на алкогольчику ведь и не похожа вовсе, да?! Глянь еще! Девушка эта вроде из приличных...

Эрика снова посмотрела на фото. Согласилась:

– Вроде из приличных. Хотя как тут поймешь...

Она не спешила отвести взгляд от фотографии. Заметила то, что в этот раз не углядела Мария. И эта девушка была похожа на Эрику так же, как и погибшая ранее вагоновожатая. Тоже светлые волосы, маленький носик. Погибшая была без очков, как и Эрика в те дни, когда трамваем управляет Игорь. Впрочем, у девушки очки и вполне могли быть. Может быть, слетели во время борьбы с убийцей. А может быть, она тоже иногда носит линзы. Носила...

Эрика посмотрела на Марию:

– Ты ничего не заметила?

Та пожала плечами, ответила вопросом:

– А что тут можно особенно заметить-рассмотреть? Фотография-то плохая...

Эрика не стала объяснять. Она и так была напугана, а Мария может и дальше продолжить ее страшать, вспомнит еще что-нибудь неприятное, вычитанное из других газет. Эрика снова посмотрела на часы и вернула газету:

– Пора.

Мария тоже глянула на часы, кивнула и отошла к своему столу.

До обеда Эрика, стараясь не думать о напечатанном в газете, занималась делами и все время посматривала на цветы, поправляла их время от времени. Еще вспоминала беспокойный взгляд Игоря. Задумывалась о нем и улыбалась. Как это замечательно, когда тебе дарят цветы. Любые.

Во время обеденного перерыва в аптеку зашел их механик. Он сходу бросил взгляд на Эрику и громко поздоровался:

– Здравствуйте!

Эрика продолжала улыбаться:

– Здравствуйте.

Павел хотел ей сказать еще что-то, но тут раздался громкий голос Марии:

– Здравствуйте-здравствуйте!

Механик подошел к коллеге. Мария взяла Павла под руку и вывела его в коридор за стеклянную стену. Там они принялись что-то обсуждать. Мария так и льнула к механику. А тот время от времени посматривал на Эрику. Слишком уж как-то внимательно.

«Чего он хочет от меня? – думала она. – У него же есть Мария...»

Уходя, Павел остановился на пороге, улыбнулся Эрике:

– До свидания!

Она кивнула в этот раз без улыбки:

– Заходите еще.

– Заходите-заходите, – добавила и Мария, проводившая Павла до двери.

Механик вышел. Мария в который уже сегодня раз потянулась. Эрика, глядя на нее, задумчиво спросила:

– А у мужчин бывает две девушки сразу?

Коллега вздохнула:

– Бывает и две. – А подумав, добавила: – И даже три...

Эрика искренне удивилась:

– Какие же они, однако.

На это Мария качнула головой:

– Но и у женщин бывает два мужчины сразу.

Эрика ничего не сказала, но подумала, что это похоже на правду. У нее самой, вот, почти есть и Игорь, и... механик. И еще начальник, который чуть ли не каждый день подходит к ней, приглашает за город:

– Ну чего тебе здесь пылью дышать?! Поедем, я тебе такие места покажу...

В последний раз он, видимо, перепив пива, еще и добавил негромко:

– От меня еще ни одна так просто не уходила...

Вот эти его слова очень не понравились Эрике.

А Мария похвасталась:

– На выходные мы с Павлом идем в новый аквапарк. Хочешь с нами? Там несколько бассейнов. Горки водные, всякие аттракционы...

Конечно, Эрика хотела в аквапарк. Читала о нем в одной из газет, что ей подбрасывала Мария. И по телевизору про него специальная передача была. В ней любимый ведущий Леонид лихо крутился на искусственной волне. Было бы здорово и ей окунуться в водное веселье. Но быть в аквапарке третьим лишним при Марии с механиком не хотелось. К тому же, там нужно все время ходить в купальнике. А механик и так, даже когда она в одежде, слишком пристально смотрит. А в аквапарке у нее будут голые ноги, руки, спина... Ей будет с ними, с ним неловко. Эрика вздохнула и отказалась:

– Спасибо за приглашение. Но как раз на эти выходные я обещала родителям приехать. Они будут ждать.

Мария пожала плечами:

– Как хочешь. Я не настаиваю. Это Павел сказал, чтобы пригласила и тебя. А я не против. Но раз ты к родителям, то, конечно...

– Еще раз спасибо. Я, правда, уже обещала...

Эрика хотела позвонить вечером родителям, но они опередили ее. Едва она вошла домой и отдышалась от быстрого шага, как раздался звонок. Отец, поздоровавшись, тут же обеспокоенно спросил:

– У тебя все в порядке? Что-то давно не звонила.

«Давно» это было неделю назад. Эрика успокоила его:

– У меня все в порядке. Вот пришла с работы. Буду сейчас ужинать, смотреть телевизор...

И тут же трубку у отца отобрала мама:

– Когда приедешь?

Эрика засмеялась:

– Да вот, как раз на выходные собираюсь.

Мама сделала паузу, потом осторожно спросила:

– Одна?

– А с кем еще? – не поняла Эрика.

Мама на вопрос не ответила, сказала только:

– Замечательно, – и добавила, – как раз и дядя твой приедет. Вы же давно уже не виделись.

– Дядя?..

– Дядя.

Они обсудили ее работу, зарплаты в городе, погоду, договорились о том, когда Эрика приедет.

– Ну, до свидания, дочка.

– До свидания...

Эрика положила трубку и задумалась о дяде. Эрика и любила, и... боялась его. Дядя Борис был хороший, очень хороший. Когда она была маленькой, то он всегда привозил ей сладости, игрушки, водил ее в парк катать на карусели. И когда дядя Борис уходил от них, Эрика вместе с родителями всегда его провожала, спрашивала:

– А ты приедешь еще? А ты приедешь еще?

Он отвечал:

– Обязательно приеду, красотка. Обязательно.

А она не отпускала его ладонь:

– А это скоро?

– Очень скоро.

– Скоро-скоро?

– Скоро-скоро.

– А что ты мне привезешь?..

Родители смеялись, а дядя обещал все, что Эрика хотела. Отец и мать его укоряли:
– Балуешь ребенка.

Дядя же только разводил руками. Свои дети у него были далеко, в чужой стране. Жена забрала их после развода и не позволяла ему видаться с ними. Эрика об этом, конечно, узнала, уже только повзрослев. А маленькой девочкой думала, что дядя тоже из их семьи и отлучается из дома только за тем, чтобы привезти ей подарки. А он жил неблизко. В другом, большом городе. Дальняя дорога...

У родителей был свой домик. От него через сад к калитке на улицу вела дорожка. Когда дядя уезжал, то Эрика провожала его как раз до этой калитки. И у нее же ждала, допытываясь у родителей:

– А когда приедет дядя? А когда приедет дядя?

Она ждала его и когда была совсем маленькой, и когда подросла, начала ходить в школу. Утром, выйдя с портфелем за калитку, всегда посматривала по сторонам – не идет ли милый, добрый дядя Борис. Не привез ли ей новых подарков.

В один из дней Эрика получила на уроке пятерку и, несмотря на серый, пасмурный день, летела домой, как на крыльях. Распахнув калитку, вприпрыжку побежала по дорожке к дому, чтобы похвастаться родителям. И вдруг из-за дерева на нее выскочило что-то темное, бесформенное. Эрика мгновенно развернулась, бросилась прочь и ускользнула было от нападавшего, но споткнулась. Темное и бесформенное настигло ее, крепко схватило своими сильными ручищами и, громко утробно заурчав, потащило вглубь сада. Там, у забора, она знала, есть большая, страшная куча старой травы, листвы. Между ней и забором получилось темное, жуткое место, в которое неприятно заходить даже в солнечный день. Там тебя никто не увидит, никто не услышит, никто не придет на помощь.

Эрика закричала и чуть не лишилась сознания от страха. Но ее тут же опустили на ноги. Однако она не могла стоять – колени подгибались. Эрику донесли до дома, из которого на шум выбежали родители.

Ее внесли в комнату, уложили на кровать. Дали воды. Она стала приходить в себя. Дрожа и ощущая под собой мокроту. Думала, что упала в лужу. Но дождя ведь не было. И тогда она поняла, что описалась от страха. Совсем взрослая девочка.

А то темное, бесформенное, что ее схватило, урчало, тащило в кусты за кучу, оказалось дядей. Милым, добрым дядей Борисом, которого она так ждала. Оказывается, он как раз снова приехал к ним в гости, как всегда привез Эрике подарки. В доме ему не сиделось и он, надев старый дождевик, вышел в сад, прогуливался там, дышал воздухом. Потом увидел ее, бежавшую из школы, и стал придумывать, как сделать их встречу интереснее, неожиданнее. Решил Эрику разыграть, попугать немного. Для этого натянул капюшон на лицо, замахал руками и забормотал непонятно что. Его неожиданное появление из-за деревьев сумрачного в дождливый день сада оказалось для Эрики слишком уж жутким.

Дядя сидел рядом с ее кроватью, смотрел на племянницу. На глазах у него были слезы:

– Прости меня, дурака. Думал, сразу узнаешь, и будет смешно. А вышло вот как. Ты уж прости меня, красotka...

Она глядела на дядю. Его круглое в веселых морщинках лицо всегда так забавило, притягивало ее. А теперь, теперь почему-то было совсем неинтересным и чужим.

Эрика, конечно, простила дядю. Но уже не провожала его до калитки. И не спрашивала:

– А ты приедешь еще?

Теперь каждый раз, видя дядю, она вспоминала ужас, который испытала в тот день. Снова и снова видела, как на нее из-за деревьев надвигается что-то темное, бесформенное, ощущала, как ее хватают и волокут вглубь сада за ту кучу листьев и травы...

Позже дядя всячески пытался сгладить свою вину, задобрить Эрику. Приезжал чаще, привозил больше подарков. Но она сторонилась его. Уходила в свою комнату. Отказывалась

идти с ним на прогулку, в парк к качелям и аттракционам. И сейчас, узнав, что он будет на эти выходные дни в родительском доме, Эрика задумалась над тем, что, может быть, стоит перенести поездку на другие дни. За все время, пока она жила в большом городе, они ни разу не виделись с дядей. Ну и еще не увидятся...

Но ведь она уже пообещала приехать. Пообещала прежде, чем узнала о визите дяди, совпадающем с ее приездом. И к тому же ей вовсе не хотелось сидеть дома два выходных дня из-за того, что кто-то ходит за ней на улице. В конце концов, в чем виноват дядя?! Он Эрику так любит. Дядя Борис и напугал-то ее только для того, чтобы позабавить свою обожаемую племянницу. Эрике давно, давно пора как-то перебороть себя. Взять дядю за руку и пойти с ним в парк к качелям и аттракционам. Погулять с ним так, как они гуляли до того самого случая...

Эрика думала о дяде несколько дней по дороге на работу и обратно. Если б он жил в этом городе, то, узнав о ее преследователе, наверняка сопровождал бы ее на пути между домом и остановкой трамвая. Но он далеко. А шаги за спиной каждый вечер так близко. И фигура под деревом. И шорохи за дверью. И без снотворного не уснуть.

Игоря в кабине трамвая в эти дни она не видела – их графики не совпадали. И механик в аптеку не заходил. Но Павел разговаривал с Марией по телефону. И, видимо, спрашивал у нее об Эрике. Во время разговора с механиком коллега время от времени бросала на нее взгляд. Не очень ласковый.

Но в четверг Игорь уже должен был быть. И он был. Как всегда плавно остановил трамвай на остановке. Улыбнулся ей. И Эрика, зайдя, улыбнулась ему. Дойдя до своего третьего места, снова обнаружила букетик. Снова из васильков. Цветы лежали на газете, свернутой так, что в глаза сразу же бросилась фотография с подписью:

«Вечером в парке обнаружен труп еще одной молодой девушки. Она оказалась полностью раздетая, но, по предварительным данным, не изнасилована. На теле – следы избиений. По понятным причинам мы публикуем только лицо пострадавшей...»

Эрика, конечно же, сразу узнала это лицо. Лицо, как у покончившей с собой вагоновожатой. Лицо, как у той, убитой в субботу девушки, которую подозревали в употреблении наркотиков. Лицо, как у Эрики. Маленький носик. И светлые волосы. И без очков, как она сегодня. Эрика бережно положила букетик на колени, медленно развернула газету. Кроме подписи под фотографией было и сообщение:

«Как заметили читатели, за последнее время это уже не первое убийство молодых девушек в нашем городе. За разъяснениями к инспектору полиции Д.Аргону обратился наш корреспондент С. Кунц:

– Вам не кажется, что на наших улицах орудует серийный маньяк?

Инспектор не очень охотно, но ответил:

– Не нужно ничего бояться. Между указанными вами происшествиями нет никакой связи. Это случайные совпадения...

Журналист заметил:

– Но у нас давно вообще не было убийств.

– Стечение обстоятельств, – развел руками полицейский.

– Невероятно! Жители беспокоятся...

На это инспектор Д.Аргон ответил весьма оригинально:

– Если у кого-то слабые нервы, рекомендую пить успокоительное, снотворное на ночь...

Однако нашего корреспондента такой ответ не удовлетворил. С. Кунцу пришлось обратиться с тем же вопросом к известному психиатру З.Ройди:

– Вам не кажется, что в городе орудует серийный маньяк?

Ответ психиатра не имел ничего общего с ответом инспектора полиции:

– Нет, мне не кажется. Я абсолютно уверен, что убийства связаны и совершил их один и тот же психически нездоровый человек. Прежде всего, обратите внимание на то, что сегодня уже очевидно – данный преступник предпочитает совершенно определенный тип женщин. Я бы посоветовал девушкам, похожим на убитых, быть более осторожными...»

Эрика сама себе покачала головой. Ни ей, ни Марии не показалось, что мертвые девушки похожи на нее. И, видимо, Игорь тоже заметил это. Поэтому и подложил ей на сидение газету с заметкой. Он предупреждает ее, беспокоится о ней.

Она вспомнила о букетике. Опустила газету и поднесла васильки к лицу, провела одним из них себе по щеке. Но мысли о прочитанном не отпускали. Что делать? Идти в полицию? Сказать:

– Посмотрите на меня. Я так похожа на убитых. И за мной кто-то следит по пути домой и из дома. Сделайте что-нибудь. Возьмите под охрану...

Что они ответят? Как в газете:

– Не нужно ничего бояться. Между убийствами нет никакой связи... – и еще добавят, – а чтобы вам не мерещились маньяки-преследователи, пейте успокоительное, снотворное на ночь...

Эрика станет настаивать, а они продолжат отмахиваться:

– Мы же не можем приставить охрану ко всем светленьким девушкам. Раз уж вам всякие маньяки мерещатся, вы это..., вы покрасьте волосы. Купите себе парик.

«А это хорошая мысль», – подумала Эрика. Она действительно легко могла бы скрыть свои волосы под темным париком. И окраситься в какую-нибудь брюнетку, как Мария, тоже несложно.

Эрика уже подумала было о том, чтобы зайти по пути с работы в магазин за краской, как увидела в зеркале вагоновожатого взгляд Игоря. А как он отнесется к парикю? К ее крашеным волосам? Вдруг он Эрику вовсе не узнает. А если узнает, то ее новый цвет может ему и не понравиться. Он ведь обратил внимания на нее именно тогда, когда она была с натуральными, светлыми волосами. И механик с начальником тоже начали заглядываться на нее, когда Эрика была некрашеной и без парика.

Она вздохнула и принялась снова рассматривать фотографию убитой девушки. Кроме типа лица и цвета волос, их явно сближало и отсутствие очков. Так может, ей все время носить очки?! Эрика задумалась. В этом что-то было. Она вспомнила, что в тот день, когда ей показалось, будто бы кто-то глядит на нее в трамвае жутким взглядом, она точно была без очков. В линзах, специально надетых для Игоря. А вдруг именно эти маленькие стеклышки, вставляемые прямо в глаза так на нее действуют? Эрика до приезда в этот город все время носила очки. Может, просто не привыкла к линзам. Может, они дают на какие-нибудь нервные окончания, которые вызывают возбуждение, беспокойство, страх. Может, усиливают какой-то спектр света, который особенным образом действует на нервную систему...

Эрика знала, что не все, рекомендуемое наукой, на самом деле изучено и полезно. Когда она училась в медицинском училище, то им рассказывали о препаратах, которые ранее предписывались врачами, но от которых позднее медицина отказывалась из-за побочных эффектов. Эрика о таком и по себе знала. Ведь после старых снотворных, принятых на ночь, ей потом все время в течение дня спалось-дремалось, а после новых, рекомендованных Марией, вовсе и нет.

Выходит, что со всех точек зрения стоит носить очки. Но опять же, Эрика наткнулась на взгляд Игоря, будет ли она ему нравиться в очках? Нет, еще раз вздохнула, для него по-прежнему будет носить линзы. В них она проводит не так уж и много времени. Всего лишь поездку в трамвае от дома до работы и от работы до дома. А в квартире или в аптеке можно легко поменять линзы на маленькие удобные очки.

Так и решила. Выходя из трамвая, помахала Игорю букетиком. А он почему-то посмотрел мимо нее. Но Эрика не обиделась. Мало ли что происходит перед трамваем, в салоне. Игорь все-таки вагоновожатый и должен смотреть по сторонам, следить за дверьми, пассажирами, транспортом.

Взятую из трамвая газету Эрика сразу отдала Марии:

– Случайно мне в руки попала. Там опять про убийство...

– У тебя какая? – глянула на название газеты Мария. – В моей о новом убийстве тоже написано. Но давай, может в твоей есть какие-то другие подробности. Спасибо, посмотрю. У тебя опять цветочки?

– Опять, – кивнула Эрика и непроизвольно глянула на стол коллеги.

Мария перехватила взгляд и, как это она часто делала, поправила руками объемную грудь:

– А у меня снова такая ночь была...

Новый букетик Эрика также поставили в колбу с водой. Старый решила засушить. Выбросить цветы Игоря она не могла.

Мария все не отходила от ее стола, глядя то на газету, то на букет. Наконец, обронила:

– Не розы, конечно...

На что Эрика простодушно спросила:

– А тебе розы дарят?

Мария, услышав это, ничего не ответила и, развернувшись, ушла к своему рабочему месту читать газету. Эрика вдруг сообразила, что Марии, возможно, вообще никаких цветов не дарят – ни роскошных орхидей, которые стоят в витрине цветочного магазина на лучшем месте, ни таких, вот, обычных васильков, растущих на клумбах и газонах. Иначе коллега обязательно бы похвасталась.

– Извини, – сказала Эрика.

Мария сделала вид, что увлеклась чтением и ничего не слышала.

Вечером Эрика возвращалась с работы в очках, так как, согласно графику, это должен был быть трамвай не Игоря. Она следила за собой, пытаясь понять, ощущает ли беспокойство, когда на ней не линзы, а очки. И вроде бы никаких тревожных взглядов на себе не чувствовала. Вместе с тем в окружающем ее что-то было не так.

Эрика осторожно оглядела весь салон. Присмотрелась ко всем пассажирам. Не обнаружила ничего подозрительного и, пожав плечами, уткнулась взглядом в окно. И тут же поняла причину своего неясного беспокойства. По дороге, идущей параллельно трамвайным путям, ехал большой черный фургон с затемненными стеклами. За ними невозможно было ничего рассмотреть.

Эрика определенно видела этот фургон уже не первый раз. Ей показалось, что он явно сопровождает ее трамвай. Автомобиль не сворачивает на перекрестках. Не обгоняет трамвай и не отстает. Останавливается на остановках и трогается вслед. Едет с той же самой скоростью.

Озадаченная Эрика, вместе с еще несколькими пассажирами, вышла из трамвая на своей остановке. Замерла на месте, наблюдая за расходящимися попутчиками и черным фургоном. Тот на ее выход никак не отреагировал. Как только тронулся трамвай, тоже поехал себе дальше.

Эрика вздохнула. Списала все на нервы и быстро пошла по тропинке между домами. Думая о фургоне, о том, что будет очень полезно съездить домой и отвлечься, она дошла до подъезда. При этом не оборачивалась, совершенно забыв проверить, следит ли сегодня кто-нибудь за ней. Впрочем, без снотворных на ночь не обошлось.

Пятница прошла без Игоря, но с обычными страхами и лекарством.

Рано утром в субботу, надев новую блузку, прихватив приготовленные подарки и глянув из окна во двор, Эрика вышла из дома. Спокойно дошла до остановки. Спокойно доехала до вокзала. Спокойно села в электричку. Никто за ней не следил, не смотрел, не ехал параллельно. Через несколько часов она открыла такую знакомую калитку, шагнула на дорожку, ведущую через сад к дому...

4

Войдя в дом, обнявшись и расцеловавшись с родителями, Эрика тут же спросила:

– А где дядя?

Мама ответила:

– Не приехал. Не смог.

Отец добавил:

– Что-то у него там по работе случилось. Он тоже расстроился, что с тобой не повидается. Но сказал, что, может быть, как-нибудь заедет прямо к тебе в гости.

– Ко мне?

– Да, – подтвердил отец, – по делам заедет к вам в город на какое-то время. Так что жди, он тебе позвонит.

Эрика не могла сказать, обрадовала ее такая новость больше или расстроила.

Пообедали. Эрика зашла в свою комнату. Полистала книжки на полке. Погладила свои детские игрушки, прилегла на такую привычную кровать и крепко заснула.

Родители, заглянув в ее комнату, ходили по дому на цыпочках:

– Уморилась с дороги.

Когда проснулась, то долго лежала и смотрела в потолок. Так хорошо, спокойно было в этом тихом доме.

Потом Эрика встала, вышла к родителям. Обедали и обсуждали местечковые новости. В городке все друг про друга все знали. Эрика быстро вошла в курс последних событий. Но они мало ее волновали. У нее не было здесь других близких людей, кроме родителей.

Немного устав от разговоров, Эрика вышла в сад. Прямо возле крыльца висели ее детские качели, сделанные отцом. Дальше стояли кислая вишня и сладкая черешня. Душистая груша. Две яблони, цветущие и опадающие белым. Слива. Под каждым из этих деревьев она маленькой делала секретки из стеклышек и конфетных оберток. Наверное, и сейчас они на своих местах...

Эрика брела между деревьями и неожиданно вышла к забору, к тому темному месту, где лежит куча старой травы, листвы. В детстве она казалась ей такой большой и страшной. Сейчас куча ее совсем не пугала, но, глядя на это серое пятно, Эрика снова вспомнила тот день, когда дядя напугал ее. Вспомнила и расстроилась. У них такой чудесный сад. В нем так хорошо, уютно. Если бы не эта куча. Если бы не дядя...

Она вернулась в дом и спросила отца:

– А эта куча у забора... она нам нужна?

– Нужна, – ответил отец. – Ты же знаешь, это перегной для удобрения.

Мама проворчала:

– Она уже столько лет лежит, копится, и никто ничего не удобряет. Только мыши там в этой куче плодятся.

Отец кивнул:

– Конечно, по-хорошему, надо бы ее убрать. Как-нибудь соберусь...

Остаток дня прошел за новыми разговорами. Родители расспрашивали про город, им было все интересно: и что там на ее работе происходит, и что есть в магазинах, и как люди ведут себя на улицах. Ни отец, ни мать давно не выбирались из своего городка. Хотя Эрика часто разговаривала с родителями по телефону, они продолжали задавать вопросы. То новые, то те же самые.

– Начальство не обижает?

Эрика, конечно, сразу вспомнила брюхатого пиволоба и его приглашение выбраться вместе за город, слова «От меня еще ни одна так просто не уходила...» Покачала головой:

– Нет, не обижает...

– К девушкам пьяные не пристают?

– Не пристают...

– А вот газеты пишут, что у вас там маньяк завелся.

– Пишут... – все также коротко ответила Эрика и вздохнула. Ей совсем не хотелось вспоминать город, свои кошмарные сны.

– Ты бы там, дочка, поосторожней, – качала головой мама.

– В сомнительные заведения не ходи, – снова наставлял отец.

– Да я и так осторожна, – вздохнула Эрика. – И никуда не хожу, нигде не бываю. Ни в сомнительных заведениях, ни в несомнительных. Только на работу и сразу домой.

Так ведь оно и было. Эрика даже задумалась о том, стоило ли уезжать из дома. И здесь она тоже никуда бы не ходила. Только на работу и сразу домой. Ее в городке многие знают, она знает многих, но ни с кем из соседей, из бывших одноклассников, а также коллег и приятелей родителей ей общаться не хотелось.

Ночью Эрика спала плохо. То ли потому, что выспалась днем. То ли оттого, что ее разволновали разговоры с родителями. А, может, просто не давали покоя собственные мысли о том, что хотя она и сбежала из родительского дома, свою жизнь ей переменить не удалось.

Утром невыспавшаяся Эрика заметно нервничала, и отец покачал головой:

– Что-то на тебя город дурно влияет.

Мама тут же спросила:

– Ты здорова? Как у тебя с циклом?

Эрика раздраженно ответила:

– Я здорова. И с циклом у меня все в порядке.

Снова встрял отец:

– Это от большого города. Точно. Помню, бывало, как туда съезжу, потом неделю спать спокойно не могу. Там такая суета, столько людей, машин. Все спешат, толкаются, ругаются...

Мама предложила:

– Может, тебе остаться еще на лишние денек-два. Там-то тебе некогда здоровьем заниматься. А здесь в частном порядке к нашему психиатру или невропатологу сходишь. И дешевле будет, чем у тебя в городе. И свой все-таки человек...

Эрика покачала головой:

– Свой все-таки человек... Чтобы потом все обсуждали, что у меня еще и с головой не все в порядке.

В этом маленьком городке все обо всех все знают. Когда дядя напугал Эрику, родители водили ее к врачу. После этого визита все по соседству и в школе мгновенно узнали, что она от страха описалась. И мальчишки, и девочки стали ее пугать. То со спины набросятся, то из-за двери с ревом выскочат. Напугают и смотрят ей под ноги. Нет, Эрика больше не писалась. Но ей было неприятно. И чем старше она становилась, тем неприятней ей было то, что все знают, что с ней случилось в тот день, когда приезжал дядя.

Эрика переживала от того, что никто не хотел с ней дружить. Не было у нее друзей ни среди девочек, ни тем более среди мальчиков. Она понимала, что это вовсе и не из-за того случая. Не она одна писалась в детстве. Не она одна попадала в устную летопись местечковой истории. Просто герои тех или иных событий вместе со всеми окружающими быстро забывали о том, что с ними случилось. А Эрика все никак забыть не могла и она сама сторонилась сверстников. Да, то, что никто за ней не ухаживал, объяснялось не только тем, что она носила эти свои большие ненавистные очки. Эрике казалось, что все, как только видят ее, так сразу смотрят ей под ноги. И сверстники, и взрослые. Потому что в их маленьком городке все про всех все знают. Кто пошел в школу, кто вышел замуж, кто кого родил и каким

весом. Знают даже, кто и когда потерял невинность. Всегда, после очередного обязательного школьного медосмотра, как будто сводка в родительский комитет поступает: эта еще девственница, та уже нет. Да и про взрослых в городке тоже все известно: кто, чем и с какими последствиями болеет. Конечно, она не останется здесь ни на один лишний день и ни за что не пойдет ни к местному психиатру, ни к невропатологу. «Свой все-таки человек...» Но вот в городе, может быть, правда, стоит сходить к врачу?! Что-то с ней все-таки явно не так.

После завтрака Эрика пошла прогуляться в парк. Бродила по знакомым дорожкам и вспоминала, как они здесь бывали с дядей. Как замечательно им до того случая гулялось среди этих сосен. На берегу реки. С мороженым в руках.

Эрика шла и думала о том, что, может быть, было бы лучше, если дядя приехал бы сегодня. Может, она все-таки смогла бы о том случае, и они бы снова вместе катались на аттракционах, на лодке, ели мороженое и смеялись, много смеялись...

В парке были люди. Попадались знакомые, которые здоровались с Эрикой и с которыми здоровалась она. Заводились пустые разговоры о работе, о планах на семейную жизнь. Эрика старалась как можно быстрее ускользнуть, остаться в одиночестве:

– Извините, тороплюсь. Вечером уезжаю.

В очередной раз сбежав от каких-то близких друзей родителей, увидела идущую навстречу молодую женщину со знакомым лицом, детской коляской и сигаретой в руке. Это была ее бывшая одноклассница Карина. Эрика всегда завидовала ее мощным бедрам и грудям. Как донесла в свое время сводка с фронта половых действий, Карина первой из их класса распрощалась с невинностью. Первой же вышла замуж и первой родила. И теперь первой же выглядела уже не как девушка, а именно как женщина. Крупная, полная, усталая от жизни.

К окончанию школы девственниц в их классе осталось трое. И Эрика была из их числа. Поэтому состояла в почетном городском списке благонравных невест. На нее рассчитывало семейство самого директора школы. Эрику время от времени специально вызывали в его кабинет, где на нее пялилась, вздыхала, как ее звали в школе, диржена, она же женадира:

– Худовата. Но ничего, откормим...

У директора был сын. Толстый и постоянно не очень хорошо пахнущий. Он тоже знал, что Эрика описалась. И тоже пугал ее. Но и он тоже писался. Все знали. Не от испуга. От каких-то нарушений в организме. До двенадцати лет. Но никто его не пугал и не дразнил. Отец – директор. И отметки у сына всегда были в порядке, хотя тот был не очень-то умным. Но откормленным.

Директор с женой и сыном приходили в гости к родителям Эрики. Потом она вместе с мамой и папой ходила по приглашению в директорский дом. Дело шло к свадьбе после достижения совершеннолетия. Эрика должна была стать домохозяйкой. Жить вместе с директором школы и его женой в их большом, но без сада доме. Помогать по хозяйству, пока мужчины при делах. Откормленный сын не хотел учиться в университете и становиться потомственным директором, но отец нашел ему неплохое место снабженца всех школ района. Зарабатывать он должен был неплохо.

Жизнь Эрики планировалась вполне благополучной. Но она не хотела сосуществовать с сыном и женадирой, заточив себя в доме без сада. Эрика слишком много времени провела в домашнем одиночестве, и ей хотелось к людям. К людям, которые ничего про нее не знают и не станут посматривать ей под ноги. К людям, которые будут судить о ней просто по тому, как она выглядит и как ведет себя.

Эрика, по просьбе матери, всегда с удовольствием ходила за лекарствами в аптеку, что была через улицу от их дома. Там работали серьезные, облаченные в белые халаты люди, которые так легко разбирались в болезнях и мудреных названиях препаратов. И Эрика хотела бы пахнуть этим странным аптечным запахом, работать за стеклянной перегородкой: и среди

людей, и как бы в стороне от них. Она узнала, что в ближайшем большом городе есть медицинское училище. Окончив школу, поехала учиться на фармацевта. С радостью. Просто с душевным порывом.

Родители отпустили не сразу. Одну. В большой город. Но она настояла. Наверное, впервые в своей жизни она так настаивала, что те согласились, уступили неожиданному напору дочери.

– Хорошо, хорошо. Езжай... Только...

– Я буду, буду осторожной...

Эрика даже пообещала родителям, что после окончания училища вернется и будет работать по специальности где-нибудь недалеко от дома. Однако сама во время учебы искала место в городе. Она училась хорошо, была ответственна и аккуратна. После того как с отличием окончила училище, ее взяли в эту большую аптеку. Переехала из маленькой квартирki, которую снимала во время учебы, в эту. Новое жилье было и больше, и ближе к работе.

Как только Эрику приняли на работу, она сразу же позвонила домой:

– Мне здесь такое хорошее место предложили. У нас столько не платят... Я останусь...

Про деньги это было правдой. Но, конечно, дело было вовсе не в них.

А родители расстроились. И намечающаяся свадьба тоже расстроилась. Впрочем, родители сына директора школы быстро нашли Эрике замену. Ведь в почетном списке благонравных невест еще кто-то оставался...

Шедшая навстречу по парковой дорожке молодая женщина Карина даже не взглянула на Эрику. То ли не узнала, то ли не захотела узнать. Они так и разошлись не поздоровавшись. Эрика не переживала. Они и в школе-то не здоровались, хотя и сидели за соседними партами. Карине мальчики слали записки. Эрике – нет. Из-за Карины даже дрались.

Вздыхнув, Эрика отправилась на карусель. Потом на большие качели. И еще купила себе мороженое. Съела и снова вздохнула. С веселым дядей здесь раньше было вкуснее.

Когда она вернулась домой, то застала у калитки раскрасневшегося отца в пропотевшей рубашке и с лопатой в руке:

– Гляди, дочка!

Отец гордо указал на деревья. Под ним появились кучки перегноя. Эрика прошла вглубь сада. Пугавшей ее с самого детства кучи возле забора больше не было. Совсем.

Она обняла, поцеловала мокрого, горячего отца:

– Какой ты молодец!

– Да уж, – утер он лоб, – столько лет руки не доходили...

Эрика немного помогла матери по дому. Приготовила обед по рецептам, вычитанным из журналов. Потом отец проводил ее на вокзал.

Она возвращалась отдохнувшей и радовалась тому, что правильно сделала, не оставшись на выходные в городе и съездив к родителям. Действительно немного развеялась, хотя и не все воспоминания родительского дома были приятными.

Поезд привез ее в город точно по расписанию. Она пересела в трамвай, которым управлял не Игорь. Эрика спокойно смотрела себе в окно. Спокойно, пока не заметила большой черный фургон. Он был похож на тот, что она видела на неделе, возвращаясь домой с работы. И этот фургон, как ей показалось, снова сопровождает трамвай. Одновременно с ним притормаживает и ускоряется. К ней опять начало возвращаться обычное городское беспокойство.

Эрика просто прилипла к автомобилю взглядом. Она так хотела, чтобы фургон обогнал трамвай или отстал до того, как будет ее остановка. Но черный автомобиль с затемненными стеклами не исчезал из поля зрения. Когда фургон затормозил на ее остановке, как и на всех предыдущих, Эрика даже задумалась, выходить ли. Тем более что салон ей предстояло

покинуть одной. И на остановке, как назло, никого не было. На улице рядом с автомобилем окажется только она. Одна.

И все-таки Эрика решилась. Вышла из трамвая и остановилась, замерла, надеясь, что фургон тронется и проедет мимо, как прошлый раз. И он тронулся. Но только для того, чтобы приблизиться. Подъехав вплотную к Эрике, фургон снова остановился. Она не знала, что делать. Бежать на другую сторону дороги? Попытаться спокойно обойти автомобиль? Ни на что не решившись, просто стояла.

Эрика стояла и ждала. Стояла и чувствовала, что кто-то рассматривает ее через затемненные окна. Подумала, что, наверное, тот, кто внутри, ждет, когда трамвай отъедет подальше. Тогда вокруг вообще никого не будет.

Ей пришла в голову мысль запрыгнуть обратно в салон, где еще сидели на своих местах пассажиры. С ними не будет так страшно. Но тут двери закрылись, и трамвай тронулся с места. Из фургона раздался какой-то звук. Как будто кто-то открывает дверь. Эрика обмерла, застыла на месте.

Из фургона, однако, никто не вышел. И даже дверь автомобиля не открылась. Она не увидела, но явственно почувствовала, как кто-то лениво отвел от нее взгляд. Фургон плавно тронулся и поехал вслед трамваю. Эрика же, успокаивая себя, еще несколько минут простояла на остановке. Потом, озираясь, пошла по дорожке к дому. Но здесь она, похоже, волновалась напрасно – никто за ней не шел, не следил. Зайдя в квартиру и приняв душ, она успокоилась совсем. Мало ли в городе черных фургонов. И даже если автомобиль все-таки как-то связан с трамваем, то Эрика к этому явно не имеет никакого отношения. Ведь когда она вышла, фургон поехал дальше. И прошлый раз, и этот.

Эрика легла спать и долго не могла заснуть. Думала, что непременно нужно пойти к врачу. Нервы у нее явно не в порядке, а доктор, может быть, предложит что-нибудь получше снотворного, от которого ей снятся кошмары.

Утром Эрика надела линзы. Сегодня в кабине вагоновожатого должен быть Игорь. И она, как всегда, не ошиблась. В кабине вагоновожатого сидел Игорь. А на ее третьем справа сидении снова лежал букетик васильков. И еще несколько газет с жуткими заголовками: «Очередное убийство молодой девушки», «Новое чудовищное убийство», «Маньяк разбушевался»...

Эрике стало не по себе от одних только этих заголовков. Но она, конечно, прочитала все, что касалось нового городского происшествия:

«Совершено новое чудовищное преступление. Несмотря на то, что полиция скрывает все обстоятельства произошедшего, наш корреспондент С. Кунц выяснил, что этой ночью убита еще одна девушка. Подробности преступления пока не известны...

К сожалению, нам не удалось достать фотографию погибшей девушки и показать ее нашим читателям. Вместе с тем, С. Кунц получил из надежных источников в полиции некоторые сведения, относящиеся к убийствам, произошедшим в городе в последнее время. Вот что ему рассказало ответственное лицо, попросившееся остаться инкогнито:

– Все злодеяния были совершены в вечернее время. Маньяк-убийца не применяет никакого оружия, действует только с помощью подручных средств. Судя по сломанным шее и ребрам одной из жертв, этот преступник обладает достаточно большой физической силой...

– Девушки изнасилованы?

– Нет...»

Эрика содрогнулась и осторожно погладила свою такую тонкую, хрупкую шею. Взглянула читать другую газету:

«Часть жертв маньяка была частично раздета, а часть полностью. Погибшие девушки весьма привлекательны физически. У нападавшего хороший вкус и, вполне возможно, что кто-то спугнул преступника, ему просто не хватило времени, чтобы надругаться над юными созданиями ...»

Эрика перечитала слова «погибшие девушки весьма привлекательны физически» и подумала о том, что вряд ли ее саму можно отнести в разряд «весьма привлекательных». Но и непривлекательной она ведь не была.

«По нашей просьбе психиатр З.Ройди проанализировал поведение маньяка. Вот что в частности отметил известный специалист:

– Судя по отсутствию свидетелей, следов биологических материалов и частей одежды, обычно остающихся в результате борьбы на месте преступления, этот пациент не глуп, организован. Он заранее продумывает свои действия. Он очень опасен...»

Эрика оторвалась от газеты и тревожно посмотрела в окно. Некоторое время не могла понять, что она там хочет увидеть. Потом сообразила – черный фургон. Но его не было. Ни рядом с трамваем. Ни впереди. Ни сзади.

Она вздохнула и еще раз пробежала глазами по только что прочитанному сообщению. Заметила вдруг, что отпечатанные в газете типографской краской слова «не глуп, организован. Он заранее продумывает свои действия» подчеркнуты. Подчеркнуты простой шариковой ручкой.

Эрика еще раз глянула на первые две газеты и обнаружила, что слова «у нападавшего хороший вкус» и «обладает достаточно большой физической силой» также подчеркнуты. Той же самой шариковой ручкой. Но что это значило? Кто-то читал эти газеты до нее и зачем-то для себя подчеркнул эти слова.

Она посмотрела на Игоря. Прошлый раз он оставил для нее газеты, чтобы предупредить об опасности. Так может быть, теперь он подчеркнул слова, которые указывают на то, что эта опасность очень серьезна?

Как он заботлив! И как стеснителен! Мог бы ей все просто-напросто рассказать, пригласив куда-нибудь. Эрика вздохнула и погладила себя по щеке васькой. Заметила ответный взгляд из зеркала вагоновожатого. Игорь смотрел как бы и на нее, и как бы куда-то за нее. Эрика обернулась, но ничего особенного сзади не увидела. Видимо, вагоновожатый смотрел туда по каким-то своим, не ведомым ей трамвайным делам.

Букетик Эрика взяла с собой, а газеты оставила на месте. Может быть, еще кому-нибудь пригодятся, кого-то предупредят об опасности. Нести газеты Марии не хотелось, чтобы избежать ее обсуждения, комментариев. Коллега наверняка начнет пугать, снова заговорит о том, с какой осторожностью нужно пользоваться общественным транспортом. И, может быть, еще раз напомнит о том, что Эрика так похожа на убитых девушек.

Но Мария, встретив коллегу, заговорила совсем на другую тему:

– Слушай, мы тут в субботу с моим новым устраиваем у меня вечеринку.

– С твоим новым? – не поняла Эрика.

Мария махнула рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.